

ОСТРОМИР ДАН



МОРЪ

КНИГА 2

18+

Остромир Дан

МОРЪ книга II

<https://litres.ru/73853216>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вторая книга цикла продолжает историю, начатую в романе «Моръ», перенося читателя из снегов XVIII века в самую кровопролитную войну XX столетия, где древнее зло обретает новые лица и новые масштабы.

Зима 1944 года. Восточная Пруссия. Красная армия ведёт наступление, но в лесах, где снег засыпает следы войны, происходит нечто, не подчиняющееся законам фронта. Старший лейтенант Михаил Озеров, командир разведгруппы, и его бойцы оказываются в эпицентре тайны, где нацистский оккультизм переплетается с дочеловеческой древностью. Где золото убитых собирают в мешки, а люди исчезают, не оставляя следов. Где последний бой предстоит дать не за высоту или плацдарм, а за саму возможность оставаться человеком.

Содержание

От автора	4
Глава первая	6
Глава вторая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Остромир Дан МОРЪ книга II

От автора

В продолжении книги «МОРЪ» мы снова будем исследовать глубины зла и его последствия. Данная книга, полностью художественная фантазия автора, но за основу взяты реальные события Второй мировой войны, те ужасы, что она оставила как шрамы на теле нашего народа. Персонажи вдохновлены реальными людьми того времени в знак признания их доблести и мужества. Те, кто прошёл тот ад и вышел победителем, заслуживают памяти поколений. Память — это не только скорбь. Это ещё и защита. Это тот незримый щит, который не даёт тьме поглотить нас снова.

В книге могут содержаться описания крови, насилия, сцен курения и употребления алкоголя, а также ужасов войны. Автор полностью осуждает любые формы жестокости, насилия и зависимостей. Эти элементы служат исключительно для создания достоверной исторической атмосферы, погружения в эпоху и раскрытия характеров персонажей, переживших трагедию войны.

Добро пожаловать, дорогой читатель. Пусть эта кни-

га напомнит нам о цене мира и о том, что зло, каким бы древним и всемогущим оно ни казалось, отступает перед теми, кто помнит, кто верит и кто готов защищать жизнь, несмотря ни на что.

Вечная память павшим. Вечная благодарность живым.

Глава первая

Поле не было полем в привычном смысле. Оно превратилось в географию разрушения, кратер за кратером, воронка за воронкой, словно земля здесь болела оспой, и язвы её не заживали, а только множились. Снаряды и мины перепахали верхний слой так тщательно, будто кто-то гигантским плугом прошёлся по этому клочку Восточной Пруссии, выворачивая на поверхность глину, битый кирпич и корни деревьев, что торчали теперь из склонов воронок, как переломанные пальцы мертвеца.

Снег, выпавший неделю назад, не лёг ровно. Он запорошил дно воронок, забился в трещины, но не смог скрыть главного. Земля здесь была чёрной, маслянистой, перемешанной с ржавым железом и щепой. Кое-где из-под снега торчали стволы, не деревьев, а тех, что были деревьями ещё месяц назад: голые, обугленные, расщеплённые вдоль волокон. Они напоминали остовы кораблей, потерпевших крушение в этом море грязи и льда.

Запах стоял тяжёлый, сложный. Пахло сырой землёй, той глубинной, вечной сыростью, что держится в грунте до самой весны. Пахло ржавчиной, мазутом и тем особым, сладковато-приторным духом, который остаётся там, где мясо и металл соприкоснулись с большой силой. Кровь здесь была везде, она въелась в глину, смешалась с мазутом, замерзла

в колеях, оставленных танками, но почти не чувствовалась отдельным запахом. Она стала частью земли, как вода или глина.

Холод, который стоял с утра, был балтийский, сырой, липкий, пронизывающий. Он не щипал щёки и не заставлял хрустеть снег под ногами. Он проникал внутрь, медленно, методично, высасывая тепло из-под ватных курток, из-под шинелей, из-под нательного белья, которое за сутки так и не успело высохнуть от пота. Этот холод не атаковал, он осаждал.

Лесополоса, в которой залёг отряд, тянулась вдоль разбитой дороги километра на полтора. Полоса старых, корявых дубов и низкорослого кустарника, чудом уцелевшая после артподготовки. Деревья здесь были изранены, но держались. Осколки изрезали кору, сбили ветви, но стволы стояли, и их мёртвая, серая кора сливалась с маскировочными халатами бойцов, делаая их частью этого зимнего, вымороженного пейзажа.

Люди лежали в цепочку вдоль опушки, на расстоянии трёх-четырёх шагов друг от друга. Двадцать пять человек. Три недели назад их было вдвое больше. Рота, которой командовал старший лейтенант Озеров, входила в состав разведотдела 3-го Белорусского фронта, не строевая часть, а особая, для глубокой разведки и диверсий. Такие роты жили недолго. Их задачи были сложными, потери, высокими, пополнение, редким. Три недели назад они потеряли семерых под Гумбинненом, когда нарвались на засаду. Ещё чет-

верых, на минном поле при переходе линии фронта. Остальные ушли с ранениями, болезнями, обморожениями, война съедала людей не только пулями.

Сейчас они ждали. Задача, полученная от штаба, звучала просто: «В полосе 11-й гвардейской армии, южнее трассы Гумбиннен — Инстербург, возможен выход разведывательной группы противника. Выявить, ликвидировать. Задача рутинная, опасная, привычная.

Михаил Озеров лежал у ствола поваленного дуба, приваленного к другому, ещё живому, дереву так, что между ними образовался естественный угол, укрытие от ветра и, возможно, от пуль. Ему было двадцать девять, но в тусклом свете декабрьского утра, с небритой щекой и запавшими глазами, он выглядел старше. Под маскировочным халатом из белой ткани, угадывалась ватная куртка образца сорок первого, доставшаяся ему ещё под Москвой. Правая рука, сжимала рукоять ППС-43, короткий, удобный, надёжный. Левую руку он держал под ватником, не от холода, а по привычке. Там, висел на шнурке маленький, тёмный образок, который он никогда не снимал. Не вера, скорее память.

Справа от него, метрах в трёх, уткнувшись лицом в сгиб локтя, лежал сержант Николай Журавлёв, «Журавль». Ему было двадцать три, но с лица нельзя было дать и восемнадцати: круглое, румяное, с редкой рыжеватой щетиной и глазами, которые всегда смотрели с каким-то удивлённым любопытством, будто война была для него странной и нелепой за-

держкой перед настоящей, правильной жизнью. Он был разведчиком от Бога, бесшумным, быстрым, чутьём понимавшим лес лучше, чем любой немец. В Донбассе, до войны, он работал на шахте, и там, под землёй, выучился терпению и умению ждать.

— Журавль, — тихо позвал Озеров.

Сержант приподнял голову, стряхивая с маскхалата крошки замёрзшей земли.

— Слышь, — Озеров говорил едва слышно, одними губами, — тут наши бают, на той неделе фронт прорвали под Ин-стербургом. Черняховский, говорят, три армии бросил. Немца повалили.

Журавль помолчал, обдумывая. Потом ответил так же тихо:

— Прорвать — не значит взять. Они тут, в Пруссии, каждую деревню в крепость превратили. Дзоты, надолбы, мины. Мой батя, царство ему небесное, говаривал: первую мировую здесь воевал, так говорил, немец в Пруссии как клещ. Впился, не оторвёшь.

Он зябко передёрнул плечами и вдруг, словно вспомнив что-то тёплое и далёкое, добавил:

— А у нас под Шахтёрском, в Дубовом, Новый год встречали... Эх, и было дело...

Он замолчал, будто сам удивился, что сказал это вслух. Озеров не торопил. В разведке, в засаде, время тянулось медленно, и такие разговоры, шёпотом, вполголоса, краем

уха следя за лесом, были единственным способом не сойти с ума от холода и ожидания.

— Дубовое — село знатное, — продолжил Журавль, и голос его стал каким-то другим, будто он рассказывал сказку детям. — Под самым Шахтёрском, в ложине. Дома белые, ставни резные, сады на три улицы. У нас в хате печь мать топила так, что за порог выходить не хотелось. Отец ещё до войны, до тридцать седьмого, забойщиком был, потом его... ну, ладно. А в тридцать девятом, помню, Новый год как встречали. Мне восемнадцать стукнуло, я уже на шахте работал, в ночную смену. Так нас тогда в первую смену поставили, чтобы мы до шести отработали, а к восьми — за стол.

Он усмехнулся, глядя куда-то вверх обгорелых стволов.

— Мать моя, Царствие ей Небесное, готовить была мастерица. Наваристые щи с мясом, холодец из свиных ножек — прозрачный, как стекло, с хреном. Вареники с вишней, сметана густая — ложка стоит. А на стол — скатерть белая, бабушкина ещё. Отец достал... достал тогда бутылку первача, хорошего, свойского. Сам гнал, знаешь, как умел.

Журавль понизил голос почти до дыхания.

— А за окном — снег, тихо, звёзды. В саду яблони голые, на них иней. Мы вышли на крыльцо, встали, смотрим на небо. Мать говорит: «Ну, Коленька, с Новым годом. Чтоб здоров был. Чтоб всё у тебя хорошо было». А отец... отец обнял меня, знаешь, как мужик мужика. И сказал: «Ты те-

перь главный в доме. Гляди за матерью». А через год его... не стало.

Он замолчал, и тишина повисла между ними тяжёлая, полная того, что не выговорить.

— А пели, — добавил он вдруг, — «Ой, мороз, мороз». Соседи пришли, тётка Клава, дядя Ваня из крайней хаты. Гармонь у нас была, «хромка», дядя Ваня играл. И мы пели, все вместе, до самого утра. А на утро мать блины пекла, с мёдом. Вспоминаешь — и тепло становится.

Он потёр лицо рукавицей, словно стирая с него это тепло, и снова стал разведчиком Журавлёвым, промёрзшим, насто-роженным, готовым к бою.

— Ладно, командир, — сказал он уже другим голосом, — пойду гляну, что там справа, у Змеева.

И, не дожидаясь ответа, бесшумно отполз в кусты.

Озеров остался один. Он знал Журавлёва уже полгода, с тех пор, как того перевели в роту из штрафников. История у сержанта была тёмная: то ли под трибунал попал за самоволку, то ли за драку с особистом. Но воевал он так, что про штрафбат забыли, представили к медали «За отвагу», а Озеров взял его в разведку. Надёжный был паренёк. И живучий.

Слева от командира, в ложбине между двумя воронками, устроился старшина Егор Копылов «Копя». Ему было под сорок, и в роте он считался стариком. Он был потомственный цыган. Лицо его, изрытое оспинами и обветренное до синевы, напоминало картофелину, которую забыли в погре-

бе до весны. Говорил он мало, но всегда по делу. Воевал ещё с тридцать девятого, финскую прошёл, потом отступление сорок первого, потом Сталинград. Был дважды ранен, один раз, тяжело. В разведку ходил неохотно, но когда надо, шёл и делал своё дело тихо, умело, без лишнего геройства. Сейчас он лежал, уткнувшись в приклад снайперской винтовки, трофейной маузеровской, с оптическим прицелом, которую забрал у убитого немецкого снайпера под Витебском.

За Копыловым, ближе к дороге, расположились двое молодых: Александр Змеев, «Змей», и Иван Косоголов, «Косой». Змеев был худым, длинным, с острым, птичьим лицом и нервными, вечно холодными пальцами. Ему едва исполнилось двадцать, он попал в роту после училища, и война ещё не успела наложить на него свой грубый отпечаток. Он был быстр, решителен и, как заметил Озеров, немного жесток, убивал без колебаний и без сожаления. Косоголов, напротив, был медлителен, коренаст, с широким, спокойным лицом рязанского крестьянина. До войны он работал плотником, и в окопах умудрялся делать из подручных материалов такие вещи, что диву давались все, и табуретки, и ложки, и даже портсигары из гильз. В бою он был надёжен, как каменная стена, но стрелял плохо, и Озеров старался не ставить его на огневые позиции.

Дальше, в сторону леса, затаились остальные: сержант Семён Белоус — маленький, чернявый, вертлявый, лучший минер в роте; пожилой красноармеец Пётр Сухоруков, которо-

го все звали «Сухой» — он был плотным, молчаливым и вечно держался рядом со старшиной; братья Вяткины, Илья и Фёдор, оба крепкие, светловолосые, из-под Кирова; и ещё десяток имён, которые Озеров держал в голове, стараясь не думать о том, сколько из них останутся живы к весне.

Он перевёл взгляд на дорогу. Узкая, разбитая колея, ведущая от Гумбиннена на юг, к Инстербургу, была пуста. Снег на ней был утопан, но свежих следов машин не видно. Если немцы и пойдут, то скорее всего к вечеру, разведка предпочитала темноту.

— Командир, — тихо позвал Белоус, выползая из-за куста. — Там, в долине, воронка большая. Схожу, гляну? Может, кто залёг?

Озеров покачал головой. Не время. Не место. Они и так залезли слишком далеко, в нейтральную полосу, где каждый куст мог быть заминирован, а каждый силуэт, чужим.

— Лежи, — приказал он шёпотом. — Всем лежать. До темноты.

Слева от него, метрах в пятнадцати, шевельнулся Косоголов. Озеров повернул голову. Косой показывал рукой в сторону леса, что-то беззвучно говорил губами. Озеров не понял, приподнялся на локте, всматриваясь в серую, мёртвую чашу.

Ничего.

Только ветер шевелил голые ветки, да где-то далеко, за лесом, ухала артиллерия, глухо, размеренно, как бой часов,

отмеряющих время до вечера.

— Тихо, — прошептал Копылов, не отрываясь от прицела. — Там кто-то есть.

Озеров замер. Сердце забилося ровнее, чаще, тело само переходило в боевой режим, без команды, без мысли. Он вслушивался в тишину, стараясь уловить в ней чужеродный звук.

И услышал.

Сначала, скрип. Слабый, осторожный, как скрип половицы под ногой вора. Потом шорох, не ветер.

— Журавль? — одними губами спросил Озеров у Копылова.

Тот мотнул головой — нет.

Рука Озерова сама легла на цевьё ППСа. Пальцы, замёрзшие и неловкие, нашарили предохранитель. Он смотрел в ту сторону, откуда шёл звук, и видел только серые стволы, сплетение ветвей, комья снега на поваленных деревьях.

Из кустов, медленно, словно нехотя ступая по замёрзшей земле, вышел лось.

Был он крупным, старым, рога сбиты, шерсть на боках свалялась, висела клоками. Остановился на опушке, повёл ушами, повернул голову в сторону лежавших людей. Глаза его, чёрные, влажные, смотрели без страха. Он стоял и смотрел на группу Озерова, на воронки, на переломанные деревья, на всё, во что превратили его лес.

«Война войной, — подумал Озеров, не опуская прицела,

— а жизнь хоть как-то, продолжает выживать в этих краях».

Лось постоял ещё с минуту, глубоко вздохнул, пар из ноздрей ударил густыми клубами и, не спеша, скрылся в чаще.

В этот момент из кустов справа, пригнувшись, вынырнул Журавль. Лицо его было напряжённым, он двигался быстро, бесшумно, и Озеров сразу понял, неспроста.

— Командир, — Журавль присел рядом, голос его едва был слышен, — идут. С юга, по просёлку. Человек тридцать, грузовая машина. Метров четыреста, не больше.

— Порядок? — спросил Озеров, уже мысленно разворачивая карту боя.

— Колонной. Впереди двое, потом группа, за ними машина, сзади ещё человек пять. Идут не густо, по сторонам не смотрят. Дорога, — он кивнул в сторону разбитой колеи, — через лощину пойдёт, прямо на нас.

Озеров взглянул на дорогу. Лощина, о которой говорил Журавль, была в двухстах метрах слева, естественная низина, поросшая кустарником, где дорога сужалась, проходя между двумя старыми, разбитыми снарядами дубами. Лучшего места для засады трудно было придумать.

— Всем слушать меня, — голос Озерова стал жёстким, отрывистым. — Занимаем позиции по обе стороны дороги. Журавль, Змей, Косой — на левый фланг, за тот бугор. Копылов — с тремя ребятами на правый, за овраг. Белоус — поставишь две мины в ста метрах за лощиной, чтобы отре-

зять отход. Всем залечь, не стрелять до моей команды. Машину — не бить. Водителя снять, остальное — по пехоте.

Бойцы разошлись бесшумно, как тени. Озеров остался на месте, у поваленного дуба. Отсюда хорошо просматривалась вся лощина и подступы к ней. Он перезарядил автомат, проверил гранату — Ф-1, «лимонку», — лежала наготове за отворотом ватника.

Ждать пришлось недолго. Через пятнадцать минут на дороге показались двое. Шли вразвалочку, автоматы на плече, курили. В серых шинелях, пилотках, без касок, обслуга или тыловики. За ними, шагах в тридцати, растянулась цепочка солдат, человек двадцать, с карабинами, в касках, шли сосредоточенно, но без особой осторожности. Дорога была их, они чувствовали себя хозяевами.

Замыкал колонну грузовик «Опель Блиц», с брезентовым верхом, двигался медленно, урча мотором, из-под колёс летела жидкая грязь.

Озеров ждал. Головные прошли мимо него, углубились в лощину. Группа солдат, тоже. Машина подползла к сужению, водитель сбавил ход, выглянул в окно, оценивая проезд между дубами.

— Огонь, — сказал Озеров негромко, будто выдохнул.

Выстрел Копылова из трофейной винтовки прозвучал сухо, коротко. Водитель дёрнулся, уронил голову на руль. Машина остановилась, перекрыв дорогу.

И тут же ударили с двух сторон. Короткие очереди из ав-

томатов, хлёсткие, плотные. Косой бил из своего ППС длинными очередями, не жалея патронов. Журавль стрелял прицельно, короткими, по двое-трое. Змей, как всегда, бил наверняка, каждого, в кого целился, валил с первого раза.

Немцы не ждали. Первые минуты они метались, падали, пытались отстреливаться, но пули летели отовсюду, и понять, откуда именно, было невозможно. Двое попытались залечь за колесом машины, Копылов снял их одним выстрелом, пуля пробила борт, рикошетом ударила в голову.

Озеров не торопился. Он ждал, когда в колонне начнётся организованное сопротивление. Но его не было. Те, кто остался жив, человек семь-восемь, бросились назад, к лесу, перебежками, пригибаясь.

— По уходящим! — крикнул Озеров, вскинул автомат, дал очередь вдогонку. Двое упали. Остальные скрылись в кустах.

Тишина наступила внезапно. Только мотор машины шипел, да где-то в лесу, далеко, всё так же ухала артиллерия.

— Осмотреть всех, — приказал Озеров, поднимаясь. — Беглых не преследовать.

Копылов уже шёл по дороге, заглядывая в лица убитых, коротко тыкая стволом тех, кто шевелился. Журавль и Змеев обходили колонну с другой стороны.

— Командир, — позвал Змеев, — глянь-ка.

Озеров подошёл. Змеев стоял над убитым немцем, молодым, с бледным, застывшим лицом. Он лежал на спине, ру-

ки раскинута, шинель расстегнута. На левом рукаве, выше локтя, темнела нашивка. Не привычный орёл со свастикой, не руна СС. Что-то другое.

Озеров наклонился. Ткань была плотная, чёрная, на ней, вышитый серебряной нитью знак. Ромб, и поверх него, кельтский крест, с равными перекладинами, вписанный в ромб. Работа была тонкой, не фабричной, ручной.

— Смотри, — Журавль подошёл с другой стороны, в руках он держал пилотку с таким же знаком, приколотым сбоку. — У этого тоже. И вон у того.

Они быстро обшарили убитых. У пятерых из двенадцати на форме были эти знаки, на рукавах, на воротниках, на фуражках. Среди них были и офицеры, судя по петлицам, и рядовые. Знак не был каким-то особым отличием, он был меткой.

— В машине, — Косоголов высунулся из кузова. — Там мешки.

Озеров подошёл. Мешки были небольшие, холщовые, по два-три пуда каждый, стояли в кузове, прикрытые брезентом. Он развязал один. На свет блеснуло золото.

Не слитки. Не монеты.

Золотые коронки. Сотни. Может, тысячи. Они были сложены вперемешку, с обломками мостов, с какими-то мелкими кольцами и цепочками, кто-то выбивал их из мёртвых ртов, торопился, не разбирая, и бросал в мешки.

Озеров стоял, глядя на эту грудку, и чувствовал, как внут-

ри, где-то под рёбрами, шевелится холод. Не от погоды. Другой. Глубинный.

— Командир, — Журавль заглянул через плечо, и лицо его, обычно живое, насмешливое, стало серым. — Это ж... это ж с людей...

— Знаю, — перебил Озеров. Голос его был ровным, чужим. — Срезай нашивки. Все, у кого есть. Машину — сжечь. Вместе с этим, — он кивнул на мешки. — Всё сжечь.

— Может, как трофеи? — осторожно спросил Копылов. — Начальству сдать?

— Сказал — сжечь, — Озеров повернулся к нему, и в глазах его было что-то, отчего Коба отступил на шаг и больше вопросов не задавал.

Пока бойцы собирали нашивки, обыскивали карманы убитых, стаскивали в кучу трупы, Озеров отошёл в сторону. Он смотрел на дорогу, на разбитую колонну, на дым, поднимающийся от костра, который уже разжигали в кузове грузовика. В голове была пустота. Не та, когда не о чем думать, а та, когда мыслей слишком много, и они все, как осколки, острые, режущие.

— Командир, — Журавль подошёл неслышно, протянул горсть нашивок. — У всех собрали. Пять штук.

Озеров взял их, сунул в карман ватника.

— Отходим, — приказал он. — По одному, с интервалом. Журавль, замыкаешь.

Они уходили так же бесшумно, как пришли. Сначала

Змей и Косой, потом Копылов со своими, потом остальные. Озеров остановился, пропуская всех вперёд. На дороге осталась машина, объятая пламенем, чёрный дым, оранжевые языки, запах горелой резины. Золото плавилось, капало сквозь днище, застывая на снегу жёлтыми, неправильными каплями.

В лесу было тихо. Только хрустел снег под ногами, да тяжело дышали люди, уносящие в себе эту тишину, этот холод, этот знак, вышитый серебром на чёрной ткани.

Задание было выполнено. Потери? Ни одного убитого, двое легкораненых. Всё было правильно. Всё было по-военному. «Война войной», — подумал он опять, но слова эти звучали теперь пусто, как гильза, из которой вылетел заряд. Потому что война, которую он знал, не собирала золотые коронки в мешки.

Он прибавил шагу, догоняя своих. Лес смыкался за его спиной, скрывая дым, огонь и то, что осталось на дороге.

Через сутки тяжёлого пути, пробираясь сквозь заснеженные болота, по колено в ледяной жиже, где мрачные ельники, ветви которых смыкались над головой, пропуская лишь серый, скудный свет, отряд вернулся к своим.

Их подразделение окопалось на небольшой возвышенности, у самого края леса. Здесь, на пяточке отвоёванной у немцев земли, развернули полевой госпиталь. Полк вёл наступление, и раненые поступали всё чаще, их везли на повозках, несли на плащ-палатках, тащили на себе санитары, провали-

ваясь в воронках. Лесисто-болотистая местность, с её топянами и замшелыми валунами, затрудняла продвижение хуже любого пулемётного огня: техника вязла, дороги развозило, и каждый километр давался кровью.

Штаб располагался в блиндаже, вырубленном в склоне возвышенности. Стены его были сложены из крепких брёвен, лиственница, не гниющая в сырости, диаметром в добрую ладонь, уложенных в три наката. Каждый слой тщательно пересыпался землёй, утрамбовывался, и оттого сооружение казалось не временным укрытием, а частью самой земли, прочным, надёжным, почти вечным. Вход замаскировали ветками и пластами дёрна, лишь небольшая труба буржуйки торчала наружу, да земляная лестница, вырубленная в мерзлоте, вела вниз, в спасительную глубину.

Внутри было тесно, но грамотно организовано. Вдоль стен тянулись двухъярусные нары, сколоченные из неструганых досок, пахнущие смолой и потом. В центре стоял грубо сколоченный стол из тех же досок, за которым сейчас склонились над картами двое офицеров, помощники командира. В углу пыхтела чугунная буржуйка, раскалённая докрасна. Её топили артиллерийским порохом, лучшего топлива в этих краях не найти: горит жарко, долго, а главное, всегда под рукой в ящиках со снарядами. От печи расходилось уютное, тяжелое тепло, смешиваясь с запахом раскалённого металла, махорки и прелой шинельной ткани.

Стены блиндажа обшили досками кое-как, внакрой, ще-

ли между брёвнами заткнули мхом, старый, дедовский способ. Вдоль стен на вбитых гвоздях висели каски, противогазы в брезентовых сумках и вещевые мешки, всё это казалось неотъемлемой частью быта, такой же привычной, как коптилка на столе или цинковая кружка с недопитым чаем.

У стола, освещённого тусклым, дрожащим светом керосиновой коптилки, сидел подполковник Рябинин. Он был высок, худ, с седыми висками и глубокой морщиной между бровей, следствием бессонных ночей и постоянного напряжения. Левая рука его покоилась на столе поверх карты, перебинтованная, с заметно распухшими пальцами. Ранение было свежим, бинты ещё не успели пропитаться йодом до конца, и по краям их проступали тёмные, бурые пятна.

Вокруг кипела штабная работа. Помощники командира, капитан с повязкой на глазу и молодой лейтенант с тонкими, нервными чертами лица, отмечали на карте красными карандашами продвижение наших частей, синими, предполагаемые позиции противника. Говорили вполголоса, отрывисто, как говорят люди, привыкшие, что каждое слово может стоить жизни.

Когда Михаил вошёл, помощники на мгновение оторвались от карт, бросили короткие взгляды на вошедшего, оценивающие, привычные и вновь погрузились в свою работу.

— Озеров, — Рябинин при виде старшего лейтенанта заметно оживился. Обветренное лицо его, измождённое, с мешками под глазами, тронула редкая для этих мест улыбка

— скорее движение губ, чем выражение. — Живой. Докладывай.

Михаил вытянулся, доложил коротко, по-военному: выход к дороге, засада, бой. Пятнадцать убитых, остальные ушли. Свои потери — двое легкораненых.

Рябинин слушал, не перебивая, только кивал изредка. Когда речь зашла о мешках с золотом, бровь его дрогнула. А когда Озеров достал нашивки и разложил их на столе, чёрные лоскуты с вышитым серебром знаком, в блиндаже воцарилась напряжённая тишина.

Помощники отложили карты. Капитан с повязкой подошёл ближе, склонился над столом. Лейтенант, нервно облизнув губы, замер у стены, не решаясь приблизиться.

— Это что? — спросил Рябинин, беря одну нашивку в здоровую руку. Поднёс к свету коптилки, повертел. — Не нашивки СС. Не «Мёртвая голова». Не руны. Что за чертовщина?

— Не знаю, товарищ подполковник, — ответил Озеров. — Но они есть. У пятерых из пятнадцати убитых.

— А золото? — Рябинин отложил нашивку, посмотрел на Озерова в упор.

— Коронки, — тихо сказал Михаил. — Зубные. В мешках. Много.

Капитан с повязкой, чья фамилия была Сомов, тихо выругался сквозь зубы.

— Я читал рапорты, — сказал Рябинин, и голос его стал

глуше. — Ещё в сорок третьем. Про концлагеря. Там это... обычное дело. Золото выдирали у заключённых, у живых и у мёртвых. Отправляли в рейхсбанк. А людей — в печи. — Он помолчал. — Но чтобы у полевых частей, на передовой...

Он не договорил. Все понимали, что это значит. Война, которую они знали, имела свои правила — жестокие, кровавые, но всё же правила. То, что пришло с этими нашивками и мешками с коронками, лежало за гранью этих правил.

— Машину сожгли? — спросил Рябинин.

— Вместе с мешками, — ответил Озеров.

Подполковник долго смотрел на него. Потом кивнул — жёстко, одобрительно.

— Правильно сделал. Нечего нам с этим золотом дело иметь. Не наше оно. Не по праву.

Он собрал нашивки в одну стопку, сунул в полевую сумку.

— Отправлю в штаб армии. Пусть там разбираются. А у меня для тебя другое дело.

Он развернул карту, прижал её к столу краем бинокля.

— Тут, — он ткнул пальцем в точку в двадцати километрах южнее, — три дня назад ушла разведгруппа. Пять человек. Капитан Семён Шубин и его бывалые ребята, опытные. Были на особом задании — проверяли информацию о крупной переброске немецких войск к линии фронта. Связи с ними нет вторые сутки.

— Может, рация вышла? — спросил Озеров, хотя сам понимал, что звучит это неубедительно.

— Может, и вышла, — Рябинин поднял глаза. — Но Шубин — мужик надёжный. У него инструкция: каждые шесть часов выходить на связь.

Он помолчал, постукивая карандашом по карте. Жест был нервным, несвойственным этому обычно сдержанному человеку.

— Они не могли просто так пропасть. Опытные разведчики. Что-то случилось. Может, наткнулись на что-то... важное.

Он посмотрел на Озерова тяжело, с той особой прямоотой, которую позволяют себе только фронтовики.

— Даю тебе три часа на сборы. Возьми самых опытных. Шубина найти — живым или мёртвым. И выясни, что он узнал.

— Разрешите идти? — спросил Озеров.

— Иди. — Рябинин протянул ему сложенный листок — координаты, пароли, явки. — И вот ещё что, — добавил он, когда Михаил уже повернулся к выходу. — Те немцы, которых вы вчера положили... с этими нашивками... они шли с юга. С той же стороны, куда ушёл Шубин. Надеюсь, что это не совпадение.

Озеров кивнул, не оборачиваясь. Вышел в сырой, тяжёлый сумрак зимнего дня, глубоко вдохнул, воздух обжёг лёгкие холодом и запахом пороховой гари.

Три часа. Мало. Но достаточно, чтобы подготовиться. Он знал, кого возьмёт: Журавля — надёжного, чуткого, видя-

щего лес; Копылова — старого цыганского волка, который выживал там, где другие умирали; Змеева — быстрого, злого, безжалостного. Ещё двоих — из тех, кто вернулся с ним сегодня, кто ещё не успел отогреться, но уже готов был идти снова.

Он прошёл к своей землянке, на ходу проверяя автомат, перебирая в голове маршрут. В кармане ватника, лежали нашивки, одну он оставил себе. Не сказал Рябинину. Зачем, не знал сам.

Окоп, в котором расположились его бойцы, был вырыт на склоне, у самого корня старой ели. Ствол дерева, расщеплённый осколком, нависал над бруствером, как сломанное копьё. Внутри было тесно, на четверых, а их набилось семеро, включая легкораненых, которые отогревались после перевязки. Земляные стены обмерзли, но в глубине, где горела жестяная банка с трофейным парафином, было почти тепло.

Пахло щами, жидкими, но наваристыми, с капустой и консервой. Полевая кухня, приткнувшаяся за бугром, дала второе за день: перед наступлением всегда кормили горячим. Хлеба не было, сухари, размоченные в баланде, но ели жадно, хлебая из общих котелков, передавая по кругу. Кто-то уже докуривал последнюю самокрутку, кто-то зашивал распоровшийся ватник, на фронте эти дела не терпели отлагательств.

Озеров спустился к ним, перешагивая через ноги, присел на пустой ящик из-под снарядов. Усталость навалилась сра-

зу, как только он оказался в тепле, потяжелели веки, заболели суставы.

— Слушай сюда, — сказал он негромко. Говорить громко здесь не привыкли — звук в лесу летит далеко. — Через три часа выходим. Шубина искать. Идём на юг, километров двадцать. Время — сутки, может, больше.

Он обвёл взглядом лица.

— Журавль, Копылов, Змеев, Сухоруков и Белоусов. — Вы со мной.

Те сидели в дальнем углу, кивнули, услышав фамилии.

— До этого — отдыхать. Всем спать. По два часа, потом смена. Выход в двадцать ноль-ноль.

— А поесть? — лениво спросил Журавль, облизывая ложку. — Командир, мы только с дороги, а ты опять гнать. Давай хоть суп доедим.

— Ешь, — сказал Озеров. — Я не отнимаю.

— Спать, говоришь, два часа, — Журавль хмыкнул, оставил котелок. — А ты сам? Тоже спать будешь или опять на штаб работать?

— Буду, — ответил Озеров, и в голосе его не было шутки.

Журавль посмотрел на него внимательно, хотел что-то сказать, но передумал. Только кивнул:

— Ну, раз командир спит, значит, и мы спим. Змей, кончай дымить, место занимай. Косой, подвинься.

Змеев затушил самокрутку о каблук, закашлялся, дым был крепкий, самосад. Косогоров молча подвинулся к стене,

освобождая место на нарах.

Озеров выбрал угол у самого выхода, где было холоднее, но можно было вытянуть ноги. Расстегнул ватник, поправил образок на груди, тёмный и стёртый. Пальцы нащупали его, он убрал руку, застегнулся.

— Командир, — позвал Журавль из темноты окопа. Голос его звучал приглушённо, почти сонно. — А Шубина того... ты его знаешь?

— Встречались, — ответил Озеров. — Под Смоленском ещё. Надёжный мужик.

— Надёжные тоже пропадают, — сказал Журавль, и в голосе его вдруг не осталось обычной лёгкости. — Война, она... она всех равняет. И надёжных, и не очень.

— Помолчи, Коля, — сказал Копылов с верхних нар. — Дай людям отдохнуть. Спать надо, а не языками молоть. Завтра наговоришься.

Журавль хотел ответить, но только вздохнул, устраиваясь поудобнее. Окоп затих. Только ветер шевелил ветки над головой.

Озеров закрыл глаза. Усталость навалилась тяжело, как мешок с песком, тело отключалось само, без разрешения. Он знал, что два часа, это мало, но это было всё, что он мог себе позволить. Впереди был лес, двадцать километров по незнакомой местности, и люди, которые ждали, живые или мёртвые.

Мысли путались, перескакивали с одного на другое. Вче-

рашний бой. Золото в мешках. Знак, вышитый серебром.

Он провалился в сон быстро, как падают в холодную воду, без мыслей, в пустоту, где не было ни войны, ни леса.

А за стенами окопа, над лесом, оседал серый, безрадостный закат. Декабрьский день был коротким, холодным и, как всегда на войне, непредсказуемым.

Глава вторая

Тишина. Звонящая, неподвижная тишина, какая бывает только глубоко под землёй, или под толщей того, что на неё рухнуло.

Он не понимал, где находится. Тело зажато со всех сторон, пошевелиться невозможно, ни руку вытянуть, ни ногу подогнуть. Что-то тяжёлое лежит на груди, на плечах, на ногах, придавило, расплющило, вдавило в землю. Дышать трудно, рёбра не разгибаются, воздух входит тонкой, жалкой струйкой.

Пахнет землёй и кровью. Земля здесь сырая, глубинная, с запахом глины и корней. Кровь, старая, густая, она везде, она пропитала одежду, смешалась с грязью, засохла на лице коркой.

Он пытается открыть глаза, но веки слиплись. Пробует рукой, не двигается. Правая рука зажата, левая? Левая свободна? Нет, тоже придавлена, но, кажется, можно пошевелить пальцами.

Он собирает силы. Медленно, по миллиметру, вытягивает левую руку из-под тяжести, которая на ней лежит. Что-то скользкое, мокрое. Ткань? Кожа? Он не понимает. Пальцы нащупывают край, хватаются, тянут. Из последних сил он отгибает то, чем придавлен, — тело. Человеческое тело. Оно тяжёлое, мёртвое, неестественно подвижное, как мешок

с мокрой глиной.

Он отбрасывает его в сторону, освобождая грудь, и воздух врывается в лёгкие судорожным, жадным вдохом. Боль, острая, режущая, пронзает левый бок. Ранен. Он ранен, и рана, кажется, серьёзная, потому что каждое движение отдаёт огнём, разливается по телу горячей, пульсирующей волной.

Вторая рука не слушается. Он пытается поднять её, оттолкнуться, но пальцы правой руки не двигаются, кисть висит плетью, и боль в плече подсказывает, вывих, а может, и хуже.

Он карабкается. Движение за движением, цепляясь здоровой рукой за край, за что-то скользкое, твёрдое, доску? камень? — подтягивая тело. Снег? Нет, не снег. Грязь. Мёрзлая, комковатая, перемешанная с пеплом и ещё чем-то, во что он старается не вглядываться.

Он вытирает лицо. Кровь и грязь, они залепили глаза, рот, ноздри. Плюёт, трёт рукавом, щурится, пытаясь разглядеть что-то вокруг.

Вокруг — тела. Их много. Они лежат вперемешку, вповалку, как поленья в поленнице. Он не может разобрать, лица стёрты, разбиты, обожжены. Он лежит среди них, на дне ямы, и стены её уходят вверх на два, на три человеческих роста.

Яма с трупами.

Он знает это место. Он был здесь. Это было... Амбар. Огонь. Крики. И потом — темнота, и этот запах, тяжесть

мёртвых тел, придавивших его к земле.

Он хватается за стену, пытается подняться, но ноги скользят, и он падает на колени, упираясь руками во что-то мягкое, податливое. Потом снова, встаёт, цепляясь здоровой рукой за корни, торчащие из глинистого среза.

И в этот момент, когда он уже почти выбрался, когда пальцы левой руки нащупали край ямы, кто-то хватается за правую. Ту, что не слушается. Холодные, цепкие пальцы смыкаются на запястье, сжимают мёртвой хваткой.

Он оборачивается.

Лицо под ним — серое, землистое, с провалившимися глазами. Но глаза эти смотрят, и губы шевелятся.

— Товарищ командир...

Голос глухой, как из-под воды.

— Товарищ командир, вставайте. Просыпайтесь.

— ...просыпайтесь.

Озеров открыл глаза.

Над ним сырая, тяжёлая тьма землянки, разбавленная оранжевым отсветом догорающей свечи. Где-то капала вода, мерно, убаюкивающе. Пахло махоркой, шинельным сукном и ещё чем-то горьким, лекарственным.

— Командир, — голос Копылова прозвучал рядом, тихо, настойчиво. — Вставайте. Пора.

Михаил сидел на нарах, тяжело дыша, пытаясь отделить сон от яви. Сердце колотилось где-то в горле, руки дрожали. Он посмотрел на свои пальцы, целые, живые, двигаются.

Правой рукой пощупал левый бок, рёбра целы, крови нет.

— Сколько время? — спросил он, голос прозвучал хрипло, чужим.

— Без четверти двадцать, — ответил Копылов. Он стоял у входа, уже в маскхалате, с автоматом через плечо. — Все собрались. Ждём только вас.

Михаил кивнул, спустил ноги с нар. Тело ломило, голова была тяжёлой, но это была обычная, привычная усталость, та, что проходит через полчаса хода. Он нашарил сапоги, натянул, проверил, сухо ли внутри. Сухо.

В слабом свете он увидел своих — Журавль у выхода перематывал портянку, Змеев точил нож, Косоголов проверял автомат, сухо щёлкая затвором. Сухоруков и Белоус ждали наверху, снаружи.

— Все в сборе, — сказал Копылов. — Журавль тропу знает, я по компасу веду. Если без задержек — к утру будем на месте.

Озеров встал, поправил ватник, забросил за спину вещмешок.

— Выходим, — сказал он.

Лес встретил их темнотой и тишиной. Но тишина эта была неполной, с запада, откуда они пришли, доносилась глухая, размеренная канонада. Артиллерия работала всю ночь, не стихая ни на минуту. Снаряды рвались где-то за горизонтом, и слабые, оранжевые вспышки то и дело подсвечивали низкие облака, превращая их в кровавые, тлеющие раны.

Света было ровно столько, чтобы не дать глазам привыкнуть к темноте, и ни на миг больше.

Они шли цепочкой, растянувшись на десяток метров, так, чтобы не потерять друг друга из виду, но и не сбиваться в кучу, удобную для пулемёта или гранаты. Журавль вёл, чутьё у него было звериное: он выбирал тропу между деревьями, обходил открытые пространства, не шумёл, не ломал веток. За ним: Копылов, потом Озеров, дальше остальные. Замыкал Белоус, он лучше всех читал след и мог заметить погоню раньше, чем она приблизится на выстрел.

Шли без света. Луна спряталась за низкими, тяжёлыми облаками, и лес казался сплошной, непроницаемой стеной. Но глаза привыкли, различали стволы, кусты, бугры на земле. Ноги ставили осторожно, с носка, чтобы не хрустнула ветка, не звякнула пустая гильза под сапогом. Дышали носом, пар выдаёт. Остановки, короткие, по сигналу ведущего, молча, присесть, прислушаться, и снова вперёд.

Не быстро, но верно. Каждый шаг, проверка: не провалиться ли в яму, не наступить ли на мину. Скорость: километр, редко два в час. За ночь, если повезёт, отмахают пятнадцать. Если нет, меньше.

Первый километр дался легко. Лес здесь был старый, сосновый, с высокими, чистыми стволами и редким подлеском. Снег лежал плотно, наст держал, нога проваливалась неглубоко, и шли почти бесшумно.

Потом лес сменился. Пошли берёзы и осины, кривые, низ-

кие, с обломанными ветвями. Здесь война прошла недавно. Снег был изрыт воронками, перемешан с землёй и щепой, идти стало труднее, нога то и норовила соскользнуть в яму, подмёрзшая корка ломалась с сухим, неприятным треском.

Журавль поднял руку — стоп. Присели, замерли. Озеров прислушался: впереди, шагах в пятидесяти, кто-то скрипел — металл, ветер? Нет, скрип был неравномерный, тяжёлый.

— Техника, — прошептал Копылов, придвинувшись ближе. — Битая.

Они осторожно двинулись дальше, и вскоре лес расступился, открывая поле, сплошь изрытое воронками. Посреди него, накренившись на бок, торчал танк. Т-34, наш, по силуэту узнал сразу. Башня была сбита, люк открыт, вокруг валялись гильзы, какие-то тряпки, пустая фляга. Гусеница слетела, лениво свешиваясь вниз, и ветер шевелил её, заставляя скрипеть на морозе.

Озеров подошёл ближе. Внутри было пусто, экипаж ушёл или его вытащили. На броне, следы от пуль и осколков, ржавые потёки. Кто-то нацарапал на башне: «За Сталина!».

— Немец его сжёл, — тихо сказал Косоголов, оглядывая танк. — Кумулятивным, наверное. Снаряд вошёл сюда, — он показал на оплавленную дыру в борту, — и всё внутри выгорело.

— Пошли, — сказал Озеров. — Нечего тут стоять.

Они обошли танк и двинулись дальше, вниз, к низине, где

чернели обгорелые остовы домов.

Деревня была мёртвой. Она лежала в ложбине, меж двух пологих холмов, и от неё осталось немного, печные трубы, торчащие из снега, как каменные пальцы, да груды кирпича, перемешанного с золой и головешками.

Журавль остановился у первой трубы, присел на корточках, провёл рукой по обугленному кирпичу.

— Недавно, — сказал он. — Месяц, может, два. Ещё гарью пахнет.

— Немцы? — спросил Змеев.

— Кто ж ещё, — ответил Копылов. — У них тут приказ: при отступлении всё жечь. Землю выжженную оставлять.

Они прошли через деревню молча. Никто не говорил лишнего. Каждый думал о своём, может, о том, что его дом уцелел, а может, о том, что и его родная деревня выглядит сейчас так же.

За деревней дорога уходила в лес, и здесь следов войны стало больше. Разбитые грузовики, наши, немецкие, всё вперемешку, валялись в кюветах, подмёрзшие, занесённые снегом. Один «студебеккер» лежал на боку, колёса кверху, и ветер раскачивал обрывки брезента, как траурные флаги.

Возле него, в воронке от бомбы, застряла полевая пушка, ЗиС-3, с погнутым стволом и разбитым щитом. Рядом валялись ящики со снарядами, разбитые, пустые. Кто-то уже всё выгреб, что могло пригодиться.

— Бой здесь был, — сказал Копылов, оглядываясь. —

Сильный. Наши прорывались, а немцура сопротивлялась.

Они двинулись дальше, углубляясь в лес. Дорога, по которой шли, была разбита в хлам, колёса и гусеницы перемешали грязь со снегом, выбили колеи глубиной в полметра. Теперь всё это замёрзло, и приходилось обходить по целине, проваливаясь в сугробы, цепляясь за ветки.

Время тянулось медленно. Озеров смотрел на компас, сверял маршрут, пятнадцать километров до квадрата, где пропала группа Шубина. Они прошли уже около пяти. Если так пойдёт и дальше, к утру будут на месте.

Лес вокруг менялся. Сосны кончились, пошёл ельник, густой, мрачный, с низкими, нависающими ветвями, под которыми царил полумрак даже днём. Здесь, под елями, снег был рыхлым, не держал, нога проваливалась по щиколотку, по колено, и шли тяжело, вытаскивая ноги из белой, липкой массы.

Журавль остановился, поднял руку. Все замерли.

— Следы, — сказал он, кивнув в сторону. — Недавние.

Озеров подошёл. На снегу, в просвете между ёлками, виднелась цепочка следов. Человек пять, не меньше. Шли плотно, не рассыпаясь, торопились.

Журавль присел, рассмотрел отпечатки.

— Наши. — он показал на серый лоскут, примёрзший к снегу, — наш, солдатский.

Озеров нахмурился. Группа Шубина — пять человек. Здесь следов больше.

— Может, другие, — сказал Копылов. — Вон, тут стреляли.

Он показал на дерево — в стволе, на высоте пояса, зияла пулевая пробоина, вокруг неё щепы.

Они осмотрелись. Под елками, в снегу, валялись гильзы, наши, трёхлинейные, и немецкие, 9-миллиметровые. Кто-то стрелял, и стреляли много, с двух сторон.

— Бой был, — сказал Журавль. — Недавно. Пару дней назад.

— Шубин? — спросил Озеров.

— Не знаю, — Пошли дальше. Вдруг найдём что.

Они двинулись по следу, медленно, осторожно, готовые в любой момент лечь и открыть огонь. Лес здесь был густой, видимость, метров пятнадцать, не больше. Ели стояли плотно, ветви переплетались, образуя над головой сплошной, тёмный свод. Снег лежал ровно, нетронутым, только следы, по которым они шли, темнели на белом, как вены на запястье.

Вскоре лес кончился. Они вышли на опушку, и Озеров поднял руку — стоп.

Внизу, в лощине, стояла деревня. Несколько домов, покосившихся, с провалившимися крышами. Трубы не дымили, огней не было.

— Мёртвая, — сказал Копылов. — Давно.

— Вон, — Журавль показал на околицу. — Телега. И лошадь.

Озеров пригляделся. У крайнего дома, привязанная к столбу, стояла лошадь, худая, понуро опустив голову. Рядом, телега, нагруженная чем-то, прикрытым брезентом.

— Странно, — сказал он. — В пустой деревне — лошадь. И телега.

— Может, хозяева вернулись? — предположил Белоусов.

— Или не хозяева, — ответил Копылов.

Они замерли на опушке, всматриваясь в темноту. Деревня молчала. Ни звука, ни движения. Только ветер шевелил брезент на телеге, да где-то далеко, за лесом, ухала артиллерия, глухо, размеренно, как бой часов, отмеряющих время.

Озеров посмотрел на часы. Половина четвёртого. До рассвета, часа три. Если Шубин где-то здесь, он должен был оставить знак. Или его оставили те, кто шёл по его следу.

— Журавль, — позвал он тихо. — Обойди деревню с тыла. Посмотри, что там. Осторожно.

Журавль кивнул и исчез в темноте, бесшумно, как тень.

Остальные залегли на опушке, в кустах, сливаясь со снегом и ветками. Озеров лежал, глядя на деревню, и чувствовал, как внутри, под рёбрами, снова шевелится холод. Не от погоды. Другой. Глубинный.

Он ждал. Лес молчал. И тишина эта была тяжёлой, звенящей, как в яме, полной мёртвых тел, из которой он только что выбрался.

Озеров лежал, глядя на деревню, и видел, как фигура Журавля, быстрая, пригнутая, почти сливающаяся с тенями,

нырнула между домами, мелькнула у стены крайней избы, пропала. Копылов смотрел в прицел, не отрываясь, держа палец на спусковом крючке.

Деревня была мёртвая. Ни огня, ни звука, ни движения. Только ветер гонял позёмку по улице, заматая следы, да лошадь вздыхала тяжело, устало.

Озеров ждал. Прошло пять минут, десять. Потом, вспышка. Короткая, тусклая. Не огонь, ответ. Из окна крайнего дома, того, где стояла лошадь, мигнул свет, раз, два, три. Пауза. Снова три коротких.

Азбука Морзе. Журавль подавал знак: «Чисто. Можно двигаться».

— Встали, — скомандовал Озеров шёпотом. — За мной. По одному. Змей, Белоус — остаётесь снаружи. Наблюдаете. Если что, один выстрел вверх, отходим к лесу.

Змеев и Белоус кивнули, растворились в тенях у стены крайнего дома. Озеров с остальными двинулся к дому, откуда мигнул свет.

Внутри пахло сыростью, гнилым деревом и чем-то ещё, кислым, тяжёлым. Журавль встретил их у порога, автомат на груди, лицо напряжённое.

— Товарищ командир, — сказал он шёпотом, но в шёпоте этом слышалось удивление. — Я думал, тут никого нет. Но мне попался... местный старик. В комнате сидит.

Он кивнул в глубь дома. Озеров шагнул вперёд, пригибаясь под низкой притолокой, и увидел.

В углу, на коленях, сидел старик. Ему было лет семьдесят пять, а может, и все восемьдесят, лица в полумраке не разобрать, только седая, редкая борода и глубокие тени под глазами. Руки сложены на груди, пальцы трясутся мелко, старчески. Он не пытался бежать, не звал на помощь. Сидел и смотрел перед собой пустыми, ничего не видящими глазами.

— Немец, — констатировал Копылов, поднимая ствол.

— Вижу, — ответил Озеров. — Сухоруков, ко мне.

Сухоруков шагнул вперёд. Невысокий, коренастый, в армию попал в сорок первом, под Ельней. Немецкий выучил в плену, сбежал через три месяца, но языка хватило, чтобы потом работать в разведке. Говорил по-немецки чисто, почти без акцента, и немцы часто принимали его за своего.

— Спроси, кто он и что здесь делает, — сказал Озеров.

Сухоруков опустил на корточки перед стариком, заговорил тихо, ровно. Старик поднял глаза, вздрогнул, но ответил, голос его был слабым, прерывистым.

— Говорит, что он местный, — переводил Сухоруков. — Из деревни в трёх километрах отсюда. Село разбомбили ещё в ноябре, он остался один. Скитается по разбитым деревням, ищет еду. Голодный, говорит, очень. Лошадь нашёл, теперь водит с собой.

Озеров слушал, не сводя глаз со старика. Тот не выглядел опасным, просто старым, больной, напуганный человек.

— Спроси, видел ли он наших. Или немцев.

Старик заговорил снова, быстро, жестикулируя, показы-

вая рукой на юго-запад.

— Говорит, пару дней назад видел отряд немцев, — переводил Сухоруков. — Человек семь, может, больше. Шли колонной, торопились. Туда, — он кивнул в ту же сторону. — На юго-запад. А наших... наших не видел. Говорит, кругом только война, только смерть.

Озеров нахмурился. Семь человек, идут туда же, куда им нужно. Совпадение? Вряд ли.

— Что ещё? — спросил он. — Что он ещё видел?

Сухоруков спросил. Старик ответил, и голос его изменился, стал тише, будто он говорил о чём-то, чего боялся.

— Говорит... — Сухоруков запнулся, подбирая слова. — Говорит, в округе творится что-то странное. Ещё до того, как наши пришли. Несколько лет уже. Деревни пропадают. Целиком. Приходят люди — а там пусто. Дома целы, скотина в стойлах, на столе еда стоит. А людей нет.

Копылов, стоявший у двери, повернул голову.

— Как это — пропадают? — спросил он.

Сухоруков перевёл. Старик говорил долго, сбивчиво, то и дело крестился по-католически.

— Говорит, местные сами начали уходить. Кто куда. Бросили дома, хозяйство. Боялись. Говорят, это проклятие на немецком народе. Фюрер, говорят, навлёт беду. Открыл что-то, что открывать нельзя. А теперь оно ходит по земле и забирает людей.

— Проклятие, — усмехнулся Змеев. — Фантазии у них

богатые.

Озеров не ответил. Он смотрел на старика, на его трясущиеся руки, на пустые, испуганные глаза, и думал о другом. О мешках с коронками. О нашивке, которая лежала у него в кармане.

— Спроси, — сказал он тихо, — не видел ли он знак. Озеров достал нашивку ромб, рассечённый крестом.

Сухоруков перевёл. Старик побледнел, даже в полумраке было видно, как кровь отхлынула от его лица. Он заговорил быстро, испуганно, то и дело оглядываясь на тёмные окна.

— Говорит, видел, — голос Сухорукова стал напряжённым. — На деревьях, на воротах. В пустых деревнях.

— Спроси, — Озеров сделал паузу, подбирая слова. — Видел ли он немецких солдат с таким знаком? На форме, на нашивках.

Сухоруков перевёл. Старик пожал плечами, жест был старый, усталый, будто вопрос этот он слышал уже много раз и отвечал на него столько же.

— Нет, — сказал он глухо. — Солдат с таким не видел. Только знак. На стенах. На деревьях.

Он помолчал, потом добавил что-то ещё, и голос его стал тише.

— Говорит, — перевёл Сухоруков, — это плохой знак. Знак этот — как клеймо. Где он появился — там уже ничего не будет. Ни людей, ни жизни.

Озеров молчал. Копылов молчал. Журавль, стоявший у

окна, смотрел на старика с выражением, которое трудно было прочесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.